

СИСТЕМА ТОЧЕК ЗРЕНИЯ В РАССКАЗЕ А. И. КУПРИНА «ПУТАНИЦА»

Статтю присвячено вивченню суб'єктного плану оповідання О. І. Купріна, у якому йдеться про людину, яка спочатку взяла участь у жарті (вирішила удатися божевільним і завдяки цьому їхати у окремому купе потягу), а потім опинилася у психіатричній лікарні, у який залишилася назавжди. Письменником досліджуються таємниці психічного життя людини (несвідоме), і тому система різних точок зору на те, що трапилося з головним героєм набуває особливого значення.

Ключові слова: *оповідання, точка зору, суб'єктні відносини, психологізм, несвідоме, О. І. Купрін.*

Цель статьи – изучив выраженные в рассказе А. И. Куприна «Путаница» различные точки зрения персонажей на то, что произошло с героем, выявить авторскую концепцию. Рассказ, который стал объектом работы, относится к числу малоизученных. Все литературоведы, которые обращались к его исследованию, были сосредоточены на его жанровых признаках. На наш взгляд, анализ именно субъектного плана произведения дает

возможность получить наиболее полное представление о воплощенном в произведении авторском понимании человека и его положения в мире.

Категория «точка зрения» является одной из ключевых в современном литературоведении. Проблема точки зрения в художественном произведении разрабатывалась такими учеными, как В. В. Виноградов, Г. А. Гуковский, М. М. Бахтин. Согласно положениям, содержащимся в работе Б. А. Успенского «Поэтика композиции», точки зрения в произведении искусства – это «авторские позиции, с которых ведется повествование (описание)». Задача исследователя – определить их совместимость или несовместимость, возможные переходы от одной точки зрения к другой» [4, 12]. Другой ученый, В. И. Тюпа, непосредственно связывает ее с исследованием того, что, кем и как в художественном произведении увидено, как характер изложения событий и их описания помогает понять индивидуальность того, кому оно принадлежит. В конечном итоге все субъекты повествования необходимы автору для того, чтобы выразить собственную точку зрения, точнее – свою концепцию.

Первоначально рассказ А.И. Куприна «Путаница» был опубликован под другим названием – «Недоразумение» (газета «Жизнь и искусство» за 25 декабря 1897 года). Позже он был озаглавлен «Ошибка» (публикация в газете «Одесские новости» за 13 декабря 1900 года). И, наконец, в газете «Речь» за 25 декабря 1907 года рассказ был напечатан под названием «Путаница». Уже заголовки произведения подтверждают неоднозначность оценки случившегося с его героем.

На первый взгляд история того, как молодой человек, принявший участие в казавшемся поначалу невинным розыгрыше, оказался в психиатрической лечебнице и превратился в душевнобольного, напоминает анекдот. Именно так интерпретирует это произведение Н. В. Логунова, когда пишет, что «мир, изображенный в произведении, при всей его реалистичности – анекдотичен». При этом она ссылается на характеристику анекдота, содержащуюся в работе В. И. Тюпы как «окказиональной в своей авантюрной замкнутости» картины мира, в которой «всесилен случай». «Действительно, – продолжает Н. В. Логунова, – случай, нелепость, никак не мотивированная предшествующим образом существования и мысли героя, радикально меняет его жизнь» [2, 215]. Однако при этом исследовательница считает необходимым подчеркнуть, что применительно к «Путанице» речь может идти исключительно об анекдоте как речевом, а не о литературном жанре. Как литературный жанр «Путаница», с ее точки зрения, является рассказом, основанным на новеллистическом сюжете [2, 219]. Н. В. Логунова мотивирует свой вывод тем, что история Пчеловодова представляет собой хотя и «страшный», но «экстраординарный случай».

И в самом деле, судьба героя, в конечном итоге, оказывается обусловленной не случайностью (как в анекдоте), а неприемлемостью, с точки зрения автора, обстоятельств. И. Я. Питляр и В. Г. Титова [1, 515], авторы примечаний к тому собранию сочинений А. И. Куприна, в котором содержится рассказ «Путаница», высказывают предположение, что в основу этого произведения легли впечатления, полученные писателем при посещении им в 1895 году киевской больницы для умалишенных. Они также обращаются к истории создания рассказа и показывают, какими средствами автор усиливал мотив враждебности герою обстоятельств. К примеру, первоначально отъезд Пчеловодова и связанный с ним уход его на неделю с завода объяснялись его желанием провести Новый год в кругу близких родственников. Но в поздней редакции писатель подчеркнул непримиримость героя по отношению к установленным на заводе порядкам, их антигуманности. Пчеловодов ссорится

с директором завода из-за безобразной системы штрафов и увольняется. Тот же мстит непокорному служащему, и именно характеристика, данная ему директором завода, имела решающее значение в том, что Пчеловодова не выпустили своевременно из лечебницы.

Мы обращаемся к анализу субъектной стороны произведения, поскольку, на наш взгляд, разнообразие точек зрения на случившееся, которое содержится в рассказе, дает возможность судить о сложности и неоднозначности этой истории.

Лицо, которое представляет в «Путанице» читателю историю героя, может быть обозначено как рассказчик, поскольку он вступает в отношения с одним из персонажей – доктором Бутынским, читает записи героя и предлагает свой комментарий того, что произошло с героем. Отсюда – местоимение «я». «Я, – сообщает рассказчик, взял из рук доктора небольшую тетрадку...» [1, 334]. И в конце, прочитав записи Пчеловодова, он задает доктору вопросы, предлагает выпустить жертву путаницы из лечебницы и так далее. Однако он максимально отстранен от Пчеловодова, никогда его не видел и не имеет никакого отношения ни к одному из эпизодов в его судьбе. В связи с этим он ближе к читателю, чем к персонажам. Как и любой персонаж, он может лишь предлагать множество возможных оценок случившегося, желая разобраться в них. «Что же это такое, доктор! Мистификация? Бред безумного? – спросил я, возвращая Бутынскому рукопись. – Проверил ли кто-нибудь факты, о которых пишет этот человек?» [1, 341]. Поэтому этот художественный образ в произведении можно с равной степенью обозначить и как «повествователя», и как «рассказчика». Перед нами, думается, та эллипсная структура, которая является, хотя и не единственно возможной, но часто встречающейся в таком жанре, как новелла. Суть этой структуры заключается в том, что перед читателем оказывается «рассказ в рассказе». При этом автор оказывается за пределами воссозданной ситуации. Безусловно, его позиция по отношению к событиям и героям может быть выявлена, и путь к этому определению авторской концепции – в сопоставлении представленных точек зрения.

Обрамляющую роль в рассказе играет точка зрения врача, наблюдавшего Пчеловодова. Его авторитетность, хотя и не обосновывается, но констатируется в рассказе замечанием: «Бутынский, довольно известный в городе врач-психиатр» [1, 334]. Его оценка случившегося неоднозначна. Он характеризует встречу Пчеловодовым Нового года как «оригинальную», называет случившееся «трагикомическим происшествием». Предлагая своему знакомому прочитать записи пациента, он называет их «бумажкой», но при этом замечает, что в этих записях «много забавного, и трогательного, и, пожалуй, даже поучительного», а автора записей относит к числу своих «несчастных больных» [1, 334]. Открывающие произведение замечания доктора Бутынского как бы продолжают заданную его названием оценку случившегося как «путаницы». Тем самым и читателю дается установка на восприятие дальнейшего, как недоразумения.

Далее следует история Пчеловодова в его собственном изложении. Таким образом, после предваряющих ее замечаний доктора, не содержащих в себе определенной их оценки, приводится точка зрения на случившееся самого ее героя. «Прошение», в форму которого заключено Пчеловодовым изложение его истории, занимает большую часть произведения. По сути, это исповедь героя. Весь текст рассказа – 8 страниц, из них 6,5 страниц представляют собой изложение Пчеловодовым событий заключения его в психиатрическую лечебницу. Его записи логически последовательны, выдают в нем человека образованного, культурного. Он способен взглянуть на себя со стороны и обнаружить, как изменился за два года пребывания в лечебнице. «Я, – сообщает он, – окончил высшее учебное заведение, но,

право, теперь сомневаюсь при употреблении самых детских правил синтаксиса» [1, 335]. Его оценки других людей точны и свободны от однозначности. К примеру, он называет Бутынского человеком «симпатичной наружности», ценит в нем «человеческое обращение с больными» и на основе этого высказывает предположение, что доктор – добрый человек, «которого еще не коснулось профессиональное доктринерство» [1, 335]. Именно этими наблюдениями Пчеловодова мотивировано его обращение к Бутынскому с просьбой разобраться в случившемся и помочь ему. Он даже способен понять, почему другие врачи проявляют недоверие к его попыткам доказать свое психическое здоровье: все «психически больные склонны считать себя посаженными в больницу по недоразумению» [1, 335].

Пчеловодов точно воссоздает в памяти события 24 декабря 1896 года, когда он, поссорившись с директором, «наговорил пропасть жестких и оскорбительных вещей» и уволился. А затем – отправился в родной город N. Он точно описывает езду в переполненном пассажирами поезде, своих попутчиков. Он, правда, не может точно вспомнить фамилию участвовавшего в розыгрыше «купчика», однако помнит другие вещи, действительность которых (как и комбинация букв в фамилии попутчика) позже подтверждается. Таким образом, по рассказу Пчеловодова читатель, как и знакомящийся с его записями повествователь, могут предположить, что это нормальный человек, оказавшийся в силу обстоятельств в затруднительном положении неволи в сумасшедшем доме. А, значит, читатель может стать на точку зрения героя и вместе с ним надеяться на возможность возвращения к полноценной жизни.

Однако в «прошении» героя содержится не только его точка зрения, но и реплики железнодорожных служащих, встретившего его на платформе жандармского полковника, главного врача в больнице. Все они различаются по оценке степени нормальности Пчеловодова. Первым среди тех, кто сопровождал героя в его поездке после выхода его «компаньонов» по розыгрышу на одной из станций, был «рыжий детина в форменном железнодорожном картузе». Он, хотя и перестает сжимать Пчеловодова в «своих жестких объятиях» [1, 337], однако напряженно следит за каждым его движением, не сомневаясь, что тот болен и его «посадят ... на цепуру». В то, что перед ними психически больной, верят начальник станции, а также трое артельщиков, выволакивающих «сумасшедшего» из вагона. Пожалуй, единственным из встречавших Пчеловодова по пути в больницу людей, кто не так однозначно оценивал его как психически больного, был жандармский поковник на платформе. Он говорил с Пчеловодовым «вежливым, почти ласковым тоном», его лицо «выражало живое, неподдельное участие». Однако сам Пчеловодов не уверен до конца, что полковник допускал мысль о его возможном здоровье. Обнаружив в самом начале их встречи, что жандармский полковник лишь хотел казаться хладнокровным, а на самом деле был встревожен («его нетвердый взгляд и беспокойная складка вокруг губ говорили, что он все время держится настороже» [1, 338]), Пчеловодов понял, что должен держаться спокойно и тем самым убедить полковника в своей нормальности. Добился он своего или нет, Пчеловодов не понял. С одной стороны, полковник назначил ему в провожатые всего одного артельщика, но, с другой, все же отправил его в больницу. В отличие от жандармского полковника, главный врач в больнице не сомневался в нездоровье Пчеловодова и говорил с ним как с потенциальным пациентом своей клиники, поворачивая каждый ответ предполагаемого больного против него, то есть, воспринимая и комментируя поведение и речь Пчеловодова как проявления его ненормальности. При этом он напомнил Пчеловодову обо всех проявлениях его агрессии: что тот вступил в драку с младшим кондуктором,

набросился с угрозами на начальника станции... Самым же убедительным доводом в пользу версии о безумии молодого человека для главного врача стало то, что тот с трудом называл месяцы, следующие после августа. Это вывело Пчеловодова из себя и он, на свою беду, проявил агрессию к испытывавшему его доктору, накричав на того и обозвав его «болваном», «рутинером» и «сумасшедшим». После подобной выходки Пчеловодов был вынесен санитарями из приемной, а его поведение было обозначено медицинским термином “raptus” – “неожиданный, бурный порыв» [1, 340]. Так была решена участь Пчеловодова: он остался в психиатрической лечебнице. Читателю самому предстоит решить, чью сторону (Пчеловодова, который настаивает на своем психическом здоровье, или же тех, кто видит в нем сумасшедшего) принять. С одной стороны, молодой человек предстает жертвой недоразумения, которое сам же и спровоцировал, договорившись с попутчиками разыграть служащих поезда и оказаться в результате в свободном купе. С другой – он и в самом деле проявляет признаки психического заболевания. Правда, в защиту Пчеловодова можно привести довод, что все проявления его агрессии – результат его взволнованности, экстраординарности ситуации, в которой он оказался, плохого физического самочувствия (он плохо спал в поезде). Усиливает его взволнованность и бесцеремонное внимание окружавшей его в приемном отделении толпы и настойчивость доктора, «желавшего во что бы то ни стало сделать» его сумасшедшим [1, 339-340]. Можно также предположить, что в сложившемся у тех людей, от которых зависела его дальнейшая судьба, представлении о Пчеловодове как о сумасшедшем сыграло роль такое психическое явление, как «установка».

Теория установки разрабатывалась учеными грузинской психологической школы с середины 1970-х годов как составляющая исследований категории «бессознательное». «Установка, – писал Д. Н. Узнадзе, – является целостным динамическим состоянием субъекта, состоянием готовности к определенной активности, состоянием, которое обуславливается двумя факторами: потребностью субъекта и соответствующей объективной ситуацией» [3, 58]. Сама по себе установка, утверждал ученый, находится вне сферы сознания, однако именно она переживается сознанием человека, его поведение находится под влиянием установки, именно установка включает в себе тенденции к определенному состоянию сознания человека, направляя его сознание на определенную активность. На наш взгляд, учение Д. Н. Узнадзе об установке помогает понять, почему все железнодорожные служащие, которым было приказано охранять Пчеловодова как психически больного и затем препроводить его в лечебницу, как и главврач этой лечебницы, не могли отнестись к Пчеловодову иначе, как к душевнобольному, даже до того, как они его впервые увидели и услышали. Сыграла роль установка. Для служащих железной дороги исходным было то, что в купе везут опасного психически больного. То есть они заранее были готовы к тому, что увидят опасного для окружающих безумца. Установка, которая уже на бессознательном уровне управляла поведением по отношению к Пчеловодову главного врача, заключалась в том, что все, кого доставляют в лечебницу, нездоровы, даже если и убеждают всех в собственной нормальности, в том, что их ошибочно привезли сюда. А агрессивное поведение Пчеловодова (ведь он был убежден в том, что нормален и должен быть освобожден) лишь укрепило их в оценке его как безумного.

Итак, то, что большая часть произведения представляет случившееся через призму его оценки героем, убежденным в том, что он ошибочно заключен в стены психиатрической лечебницы, способствует укреплению читателя в сочувствии этому человеку, убеждению в том, что речь идет о путанице, недоразумении. Однако заключительная часть записей

Пчеловодова, которая формально (точками) отделена от всего остального текста его «прошения», задает абсолютно противоположное истолкование случившегося. Она дает основания для признания героя сумасшедшим. Сам Пчеловодов начинает ее с итогового для изложенной истории заключения о том, что речь идет о «жуткой медицинской ошибке» [1, 341], однако далее, мотивируя, почему жизнь в лечебнице «невыносима», сообщает, что служители подкуплены смотрителем, а тот, в свою очередь, является прусским шпионом, что больным ежедневно «подсыпают в пищу... огромное количество стрихнину и синильной кислоты», что его пытаются, прикладывая к животу и груди раскаленное железо. И завершает перечень опасностей, с которыми сталкиваются пациенты лечебницы, указанием на крыс. Чем они «одарены» и в чем конкретно проявляется их влияние на больных, Пчеловодов не сообщает (запись внезапно прерывается), однако и из того, что он успел написать, ясно, что он болен.

Пояснение случившемуся дает доктор Бутынский, точка зрения которого, как уже было нами сказано, играет роль обрамления в рассказе. Но если вначале он говорил лишь о трагикомизме ситуации и аттестовал Пчеловодова, как и остальных своих пациентов как «несчастных», то теперь он признает Пчеловодова психическим больным и мотивирует причину его заболевания. «Прославленный режим нашего заведения сделал свое дело, – говорит он. – Этот человек уже год тому назад признан неизлечимым. Он был сначала одержим манией преследования, а затем впал в идиотизм» [1, 342]. И если вначале эпитет «несчастных» по отношению к Пчеловодову, как и людям, содержащимся в лечебнице, мог означать, что они несчастны из-за чьих-то ошибок, недостатка их сил в противостоянии обстоятельствам, как и то, что они больны, то в конце это, главным образом, признание их нездоровья. Оценка случившегося доктором Бутынским, занимающая в рассказе ключевое положение (начало и конец произведения), ближе всего авторскому пониманию и переживанию подобных ситуаций.

Выводы. В результате изучения текста рассказа мы установили, что точки зрения на случившееся большинства персонажей (они противоречивы по своему характеру: субъекты высказываний о Пчеловодове как признают, так и подвергают сомнению его сумасшествие) занимают предельно малый объем текста (чаще всего это несколько их реплик или обозначений их действий). В рассказе есть персонаж, который выступает от имени «я», что позволяет предположить, что он близок автору. Однако этот персонаж узнает о случившемся одновременно с читателями и не способен сформировать какую-то определенную позицию по отношению к состоянию героя. Для него записки Пчеловодова одновременно являются и историей недоразумения («мистификация»), и историей болезни («бред сумасшедшего»). Автор приоткрывает перед читателем сложность явления, к художественному воссозданию которого он обратился, а читатель волен сам или присоединяться к чьей-то точке зрения, или же формировать собственную.

Больше всего места (по объему) в тексте занимает исповедь Пчеловодова. Однако, поскольку это его собственная история, выраженная в ней уверенность в психическом здравии героя не может быть объективной. Меньший объем в тексте занимают высказывания доктора Бутынского. Однако, судя по их расположению – а это «ударные» в тексте позиции, начало и конец – именно они должны помочь читателю уяснить авторскую позицию. Бутынский, не исключая возможности применить к истории Пчеловодова такое определение, как «трагикомическое происшествие» (ошибка, недоразумение), подчеркивает, что Пчеловодов болен психически. Особенно важно отметить, что точка зрения доктора не

приводится сразу. Вначале (когда он только рекомендует почитать записи героя истории), его оценка случившегося с Пчеловодым довольно неопределенная. И лишь в конце, подводя итог случившемуся, Бутынский однозначно определяет состояние автора записок как безумие. И, что еще более важно, он приводит мотивировку его безумия содержанием в психиатрической лечебнице. Тем самым акцент сделан на внешних по отношению к герою обстоятельствах.

На основании этого мы сделали вывод, что суть воплощенной в произведении авторской концепции заключается в признании недопустимости формального отношения к человеку, в утверждении права человека на свободу и защиту собственного достоинства, в требовании уважения к человеку со стороны людей, в руках которых оказывается его судьба.

Список использованной литературы

1. Куприн А. И. Собр. соч.: в 6 т. Москва : Художественная литература, 1991. Т. 1: Путаница. С. 334 – 341.
2. Логунова Н. В. Рассказ А. И. Куприна «Путаница»: к проблеме жанра и художественного дискурса. *Русистика и современность. Литературоведение: Сб. научных статей по материалам XVI Международной научной конференции, посвященной 120 – летию со дня рождения Владимира Владимировича Маяковского*. Одесса, 2014. С. 213 – 219.
3. Узнадзе Д. Н. Психология установки. Санкт-Петербург : Питер, 2001. 416 с.
4. Успенский Б. А. Поэтика композиции (Структура художественного текста и типология композиционной формы). Москва : Искусство, 1970. 224 с.